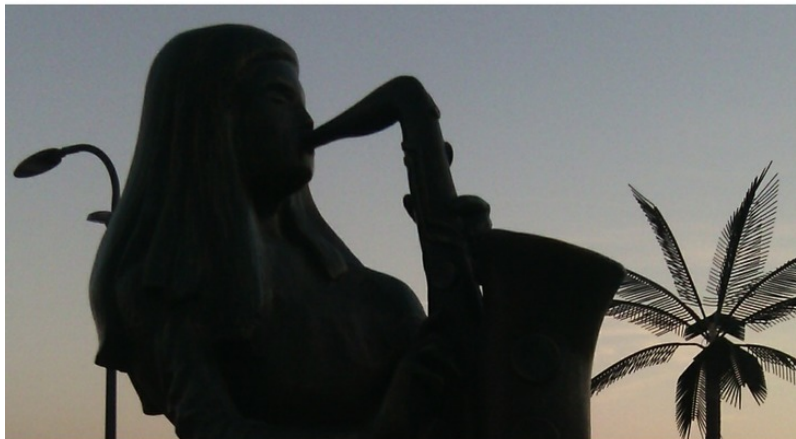

Владимир Черногорский

ПАНАЦЕЯ

художник должен быть голодным
три раза в день

Владимир Черногорский
Панацея. Художник должен
быть голодным три раза в день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23463011

ISBN 9785448388668

Аннотация

Сборник рассказов. Многие были номинированы на различные литературные конкурсы. Чтение – лучшее лекарство от хандры. Надеюсь, сумею вас в этом убедить.

Содержание

Панацея	5
Любите ли вы?	15
Магия чувств и ослиное упрямство	17
Макуха	21
Мертвый город привычкам не помеха	27
На белом	33
Накануне	35
Неприкаянные	39
Несломленные	44
Ночь	48
Ну что сказать, мой милый друг	50
Оргазм	54
Осечка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Панацея

**Художник должен быть
голодным три раза в день**

Владимир Черногорский

Иллюстратор Владимир Иосифович Фомичев

© Владимир Черногорский, 2017

© Владимир Иосифович Фомичев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8866-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Панацея

Для купания вблизи дачного кооператива выбираю часы утренние, потому как детишки и алкаши в это время дрыхнут, а немногочисленные рыбаки, что подпирают рассвет, дорожат тишиной пуще моего. Плаваю по-лягушачьи – без брызг, часто переворачиваюсь на спину и, тихонько шевеля ладонями, щурюсь на еще один дарованный день. Если бы не моя лопаухая спутница, я бы подолгу не вылезал. Однако позволить легавой выбраться на сушу в одиночку чревато вполне предсказуемыми последствиями: собачка станет носиться вдоль берега, оглашая окрестности истерическими воплями: «Папа тонет!» Желание броситься на помощь и подставить дружеское плечо, ее никогда не посещает по причине мне неизвестной и, честно сказать, немного обидной. Впрочем, с подобной разновидностью сострадания доводилось встречаться и прежде... но зла ни на кого не держу.

День выдался ветреным. Раздосадованные комары попрыгали в густой траве, пожирая глазами филейные участки мокрого тела. Дразнить кровососов до бесконечности не стал и, прикрыв срам широченными клетчатыми брюками, уселся на пенек обсохнуть и, возможно, приобрести мужественный оттенок загара, который роднит истинного российского патриота с американскими индейцами и горькими

пьяницами.

Ничего неделание располагает к неспешным раздумьям и неизбежным разводам. Второе мне уже не грозило, и я принялся оценивать трех незнакомых любителей ужения пресноводных.

Первый, верхом на складном стуле, ловил на старорежимную поплавочную удочку. Обгрызенная соломенная шляпа, венчающая стрижку со скидкой, как нельзя лучше гармонировала с выцветшим гусиным поплавком, а пластмассовое ведро пережило не одну семейную ссору, пока тяга мужа к рыбалке не стала восприниматься супругой за благо.

«Отставной юрист либо бухгалтер» – решил я, ибо добыча карасиков малоподвижным способом выдает натуры уравновешенные, педантичные.

Гораздо дальше, по пути пассивного завладения чужой жизнью продвинулся второй, в тренниках с широкими лампасами, цветных галошах и москитной сеткой от макушки до груди. Он насторожил пару коротких донных удилиц и явно не торопился делать новые забросы.

«Бюджетник. Результатом интересуется мало». Крохотный радиоприемник и баллончик Москитола свидетельствовали в пользу моих догадок.

Третий суетился вдоль зарослей кувшинок, хлестал озерцо юркой блесной и дымил не переставая. Фирменный спиннинг и понтоватый камуфляж не оставляли сомнений в том, что господин принадлежал к беспокойной касте предприни-

мателей средней руки, готовых пустить в оборот и тещины бриллианты и пионерский галстук.

«Наверняка приехал на пузатом паркетнике с кожаным салоном и бейсбольной битой в багажнике».

Утро тянуло резину, собачка грела на солнце две грядки острых сосков, возились в кустах суетливые птахи, шуршала прошлогодней листвой ондатра.

– Айяйяй. С непокрытой головой. В вашем-то возрасте. Как врач говорю, – послышался за спиной вкрадчивый голос.

Прошляпившая чужака легавая зашлась истошным лаем, объединившим в себе фальшивые угрозы с откровенным желанием выпендриться.

– Сьюзи, фу! Поезд ушел. И вам, здрасьте! – немного растерявшись, я нахлобучил бейсболку и скользнул рукой по ширинке.

– Ну, ну. Давайте без церемоний – не в поликлинике, – мужчина с благородной сединой на безупречных висках благодушно улыбнулся и представился – Сергей Петрович, доктор медицинских наук.

– Очень приятно. Владимир Иосифович, пациент мирового уровня.

Так себе шуточка спровоцировала профессиональный интерес.

– За рубежом лечитесь?

– Скорее коллекционирую болячки.

– И каковы успехи?

– Встречаются довольно экзотические... Отчего не купаетесь, не рыбачите? – я постарался направить разговор ближе к бюджетной теме.

Задача оказалась не из простых, собеседник упрямо гнул свою линию:

– Не досуг. По уши в работе. Видите этих горе-рыболовов? Все трои – мои подопечные. Среди них банкир, биржевой маклер и обманутый муж.

Я внимательнее присмотрелся к «доктору», а Сьюзи для верности обнюхала его ботинки. Да-да, именно ботинки, а не кроссовки, не сандалии и даже не сапоги. Этакие кожаные мокасины с верхом, как у выпечки, и на резиновом ходу. (Довольно странно, не находите? Пижоны крайне редко забираются в нашу глушь, где самая ходовая обувь – совковые мозоли на угрюмых пятках). Законы вежливости принуждали к удивлению с примесью восхищения, что мы с собачкой тотчас и выразили каждый по-своему: я поднял бровь, Сьюзи – подлиза – высунула язык и, для верности, описалась.

Наша реакция пришлась мужчине по вкусу, и он пояснил:

– Видите ли, вы стали невольным свидетелем сеанса психотерапии, а, в случае успеха, и психокоррекции. Эти господа перепробовали уйму нетрадиционных способов лечения: плавали в обнимку с дельфинами, катались на лошадях, один даже занимался сексом с дикой обезьяной. Увы. Их состояние не только не улучшилось, но и усугубилось отвращением к братьям меньшим и как следствие отказом от белковой

пищи. Ваш покорный слуга – последняя надежда, хотя и дорогая. Мой метод, на первый взгляд, банален и отнюдь не затратный. Возникает закономерный вопрос: за что же в таком случае платить бешеные деньги? Отвечаю: только я, и никто другой, умею безошибочно подобрать для пациента способ ужения и необходимую снасть, вплоть до приманки.

– Аферист, – подумал я.

– Аферюга, – согласилась легавая.

– Ни то и ни другое, – опроверг целитель, чем вогнал нас в краску, – Вижу, что и ваша жизнь совсем не повидло, иначе не потащились бы спозаранку купаться в торфяном болоте.

Предательница Сьюзи сглотнула и потерла лапой глаз: мол, да, уж – не сахар.

Из опасения, что она выложит все подробности, я перехватил инициативу:

– Что-то пенсию задерживают...

– Вам повезло. Вы попали под акцию, и лечение выльется в стоимость, ха-ха, огуречного рассола.

В который раз убедившись в справедливости поговорки: «плачь больше, карта слезу любит», я в глубине души ехидно улыбнулся, потому как в дальнем углу компостной ямы хранил жестяную коробку из-под бельгийского печенья доверху забитую гробовыми и собачке на первое время.

– Весьма предусмотрительно, – прокомментировал эскулап.

Процедура избавления от проблем виделась необремени-

тельной, а род деятельности подопечных внушал доверие к целителю.

– Ну что ж, по рукам. Иду «копать червей».

Договорившись обсудить детали сделки позднее, мы расстались. Я вернулся на дачу, и весь день слонялся по участку без дела, изредка выщипывая нитку другую сорняка промеж чахлой свекольной ботвы. В преддверии сомнительного чуда и Съюзи охраняла вверенную территорию, спустя рукава. Дошло до того, что рыжий соседский кот украл тушку серебристого хека прямо из кипящей кастрюли. При этом он дважды ронял добычу, дул на лапы и сердился явно на нас.

Едва стемнело, прихватив банку с огурцами, я поспешил на купалку. Врачевателя на месте не оказалось, зато пациенты в полном составе варили уху. Мое появление никого не удивило. Более того, радушные хозяева плеснули в свободную кружку водки, а тот, что постарше, протянул пучок зеленого лука: «Угощайтесь».

К исходу второй бутылки рыбаки оживились. Беседа крутилась вокруг okazji ужения, где геройствовал либо кто-то из присутствующих, либо «один мой знакомый...» Кому хоть раз доводилось вечерять в подобной компании, легко догадается, отчего так легко верится в самое невероятное и почему очевидное становится малопримечательным и граничит с дурным воспитанием.

Я невольно обратил внимание, что собеседники ни разу

не упомянули о своей профессии, а также о причине, по которой они не первый день кормят в досталь слепней и комаров. Разобрать, кто из них банкир, а кто биржевой маклер представлялось положительно невозможным, а на роль обманутого мужа подходили буквально все, ибо доля сия весьма заразна и передается не только воздушно-капельным путем.

Обсудив кулинарные достоинства нагулявшего караса и беспросветную тупость пучеглазого ратана*, мужики перешли к главному. Уровень децибел опустился до еле различимого шепота.

– ... а ежели повезет, то можно и панацею заарканить, – соломенная шляпа задумчиво посмотрел в сторону притихшего озера, – правда аль нет, но сказывают, что некоторым удавалось...

– и я слышал, как один отставничок рассказывал, будто по осени она к нему в вершу заплыла, – подхватили тренники с лампасами, – в облиии обыкновенной красноперки. Так себе красноперка – грамм на сто, сто пятьдесят. А он, не будь дурак – зря про военных болтают – взял да и поцеловал ее в губы.

– Да ты что?! – камуфлированный аж поморщился, – Прямо в губы?

– За что купил... – тренники вроде как обиделся, – только сразу после поцелуя рыбка-то женщиной обернулась.

Он обвел присутствующих победным взглядом и продол-

жил с оттенком превосходства:

– ... полкан**, знамо дело, на вытяжку: так, мол, и так, позвольте представиться: Иван Петрович Присяжнюк, ветеран спецслужб. Вдовец. А она ему: «Знаю, знаю. Все про тебя знаю. Пойдем ко мне в гости». И манит рукою белой. А потом как прикрикнет: «Да расслабься же, наконец. Вольно!» и ну смеяться. Хохочет, а глаза серьезные, пытливые глаза. Будто у следока на допросе или того хуже – у привратника.

Набухла МХАТовская пауза. Раздираемые любопытством мы затаили дыханье. Я прижал к земле бьющийся в нервическом припадке хвост легавой. Рассказчик медленно разлил по «полтинничку» и нехотя обронил:

– Н-да...

– Не вынай душу. Чем кончилось? – шляпа облизнул пересохшие губы.

– А я почему знаю? – тренники развел руками, – Полкан подписку давал о неразглашении. Человек он военный – слово держать умеет. Известно, правда, что с тех пор старые проблемы его покинули. А женщину ту Панацеей звали. Ну, будем!

Мы выпили, не чокаясь. Каждый думал о своем, о наболевшем. Но все вместе – о Панацее. Представлялась она красивой и жутко сексуальной. Дать волю эротическим фантазиям не позволил начавшийся ливень. Он загнал рыбаков в палатку, я же поспешил домой. Трехлитровку с огурцами оставил у костра – мужикам на утро.

По дороге на дачу изрядно промок. Одна радость – дождик смыл кровососов, и пропала необходимость обкуривать жилище восточными благовониями, кои оскорбляли тонкое чутье крапленой охотницы, а во мне тревожили воспоминания о былых подвигах в славном городе Сайгон***.

Наскоро отужинав холодной говядиной, перебрались в спальню. Сьюзи театрально развалилась на подстилке, не сводя глаз с хозяйского ложа, словно прицеливалась. Ее ночной маршрут был известен до мелочей: поначалу она вздыхала на островке мебельного поролона, упрятанного в брезентовый пододеяльник, затем мигрировала на пустую гостевую кровать, а как только я терял бдительность, перекочевывала к папе, под бочок. Если ночь выдавалась душевной, собачка проделывала тот же путь в обратном порядке.

В этот раз отчаянно не спалось: я беспрестанно ворочался, выходил на крыльцо покурить, даже пробовал читать какую-то муру, но – все напрасно. Из головы не выходило предложение странного доктора медицинских наук и рассказ отставника. Разноперая школа жизни, два диплома о высшем образовании, два брака (и не только) – все, все протестовала супротив сколь-нибудь серьезного отношения к рыбацким байкам и сомнительного во всех отношениях рецепта загадочного психотерапевта. Однако, утопающий хватается за соломинку, а я рассуждал примерно так: сравнительно недавно люди и представить не могли запруженные машинами улицы, огурцы, выращенные на околоземной орбите, све-

кровь в бизнес-классе с шестимесячной завивкой и домашними соленьями в коробке из-под ксерокса. Что, уж, говорить об интернете, где можно послать весь мир на фиг, и вам за это ничего не будет?

– Вот, вот, – собачка гипнотизировала закатившуюся под бабушкин комод маковую баранку, – чудеса встречаются. Не проходите мимо!

Она положила голову набок и пыталась зацепить беглянку клыками, но аристократичная морда никак не хотела пролезать в узкую щель, что отделяла крашеный пол от запыленного основания винтажной мебели. И я загадал: если достанет, пойду с врачом на сделку.

Не знаю, о чем договорились Сьюзи и доктор, но моя интриганка с шумом вдохнула, баранка выкатилась из укрытия и напрямик в розовую пасть.

Ну что ж, Панацея так Панацея. И чем она, в конце концов, труднодоступнее Вер, Надь, Любочек?

Все дело в приманке и способе ужения.

*мелкая прожорливая рыба с большущей головой

** полковник

***бывшее название столицы Южного Вьетнама

Любите ли вы?

Любите ли вы мыть полы, как люблю я? До еврейской тоски в глазах, до зубовного скрежета, до нервической чесотки...

Первые лет двадцать-двадцать пять вы с томлением в членах ждете возвращения женщины, аккуратно обходя лужицы пролитого кофе, стыдливо отпихивая в дальний угол обертки конфет и горелые спички. Да, они немного раздражают, а капельки вишневого варенья настойчиво липнут к стильным носкам, провоцирую целую гамму чувств: от легкой досады с налетом иронии до возмущения сдобренного львиной дозой сарказма. Ведь вы так почитаете чистоту, а слово «санитария» и вовсе ассоциируется с миниатюрной шатенкой в накрахмаленном белом, с красным крестом, распятом на юной, невинной груди. Поглядывая с презрением на гражданскую во всех отношениях швабру, словно раненый корнет, прижимаете к простреленному плечу надушенный платок и, вперив взгляд в потолок, репетируете встречу с сестрой милосердия. Сами того не замечая, переходите на салонный французский, небрежно острите и топите барышню в изысканных комплиментах. С ее появлением смрад и кавардак приобретают совершенно иной смысл – оправдание вмешательства в ваше узкое личное пространство. И пусть

ненадолго, не навсегда, но, все же, чертовски своевременно!

Последующие пять-десять отставной поручик уже не замечает на белоснежных простынях отпечатки лап сибаритствующих легавых и снующих под ногами тараканов. Пепел выбитой трубки заменяет комнатным растениям прочие виды удобрений, включая воду и солнечный свет. Подобное обращение настраивает флору на философский лад и учит разбираться в тонкостях табачных смесей. Преждевременно состарившая швабра мнит себя неприкасаемым полковым знаменем и мирно пылится в красном углу, испытывая водобоязнь и отвращение к переменам. Свидания с мамзелями носят характер шутивно-случайный и не настолько продолжительный, чтобы привести поле брани в состояние образцового гарнизонного плаца.

Непреодолимая тяга к порядку, граничащему с нездоровой стерильностью, приходит на склоне лет вместе с отсутствием каких-либо иных развлечений, включая... вмешательство в ваше узкое личное пространство... представительниц противоположного пола.

Магия чувств и ослиное упрямство

День входил в жилища, как первые строчки романа. Каким он будет, не знал никто и потому неохотно расставался с днем предыдущим. Что ни говори, вчера хорошо, уж, тем, что состоялось; к тому же не следует забывать, что и оно, совсем недавно, было днем новым, непредсказуемым, ибо любое гадание суть попытка выдать желаемое за действительное (не путать с провидением, когда чужое желаемое выдается за свое). Тщетность хиромантии, ворожбы на кофейной гуще и прочих упражнений, смысл которых в стремлении исказить промысел Божий, издревле набивали шишки множеству праздных фантазеров, неохотно вылезающих из-под одеяла. Однако лентяи продолжают упорствовать, хотя бы потому, что им лень менять свою жизненную философию.

Лао не спешил открывать глаза. Причин было несколько: во-первых, он еще не придумал, что за день ему предстоит пережить, во-вторых, жена еще не приготовила завтрак. Лежать бесконечно тоже не имело смысла, и юноша определил дню быть удачным. С жидкой кашей и душистым чаем на подносе ситуация виделась чуточку сложнее: Лао был не просто не женат, но и безнадежно одинок, словно чудом сохранившийся зуб в пасти мертвого дракона.

Другой бы на его месте так и остался греть циновку в ожидании сердобольной бродяжки, только не наш герой.

«Если я сумел вообразить себя юношей на семидесятой весне то, уж, горячий завтрак нарисую и подавно».

После на редкость вкусной трапезы Лао привычно оседлал мокрый валун у входа в хижину и принялся нараспев сочинять стихи. Этим утром бесхитростные строки он посвятил любви.

Поначалу привычной аудиторией оставались суетливые пичуги да молчаливые гады, но вскоре слышались легкие шаги, которые не могли не принадлежать стройным девичьим ножкам.

«Она боса и удивительно красива» – решил поэт и с удвоенной энергией продолжил воспевать единственное чувство, над которым не властен сам Великий Колдун Ы.

Чернокнижник заслуживает несколько отдельных слов, ибо проживал по соседству в обнимку со склочным характером и облезшим ишаком по имени У. Неразлучная парочка славилась далеко за пределами Мшистой Горы беспробудным пьянством и философскими спорами по любому незначительному поводу.

– Спорим, – говорил ишак, – я сегодня ничего делать не стану?

– Спорим, – соглашался Великий Колдун.

– Спорим, – говорил на следующий день чернокнижник, – я сегодня ничего делать не стану?

– Спорим, – соглашался упрямый У.

Таким образом у них было налажено дежурство по хозяй-

ству и никогда не переводились в карманах призовые деньги.

Ну да вернемся к нашему герою.

Незнакомка не прошла мимо, а, напротив, долго оставалась неподвижной да еще так близко, что Лао чувствовал ее дыхание.

– Вам понравились мои стихи?

Видимо эмоции захлестнули красавицу, и она медлила с ответом.

Смутившись, Лао извинился и жестом пригласил девушку войти.

С того памятного дня весть про диковинную любовь облетела и рисовые поля, и дремучие леса, и задумчивые горы. Людская молва не уставала восхищаться:

– Ах, как она красива, – шептались мужья.

– Ах, как он талантлив, – шептались жены.

«Ах, как мне все это надоело», – брюзжал Ы.

– Спорим, я развею миф о Любви? – сказал Великий Колдун.

– Спорим, – согласился ишак.

Чернокнижник удалился в пещеру и три дня и три ночи воровал на лягушечьих лапах и черепахах летучих мышей.

На рассвете четвертого дня слепой поэт прозрел, а глухая

красавица обрела способность слышать.

– Спорим, ты рад, что проиграл? – сказал облезлый У.

– Не спорю, – впервые согласился угрюмый склочник, –
Однако ж, сегодня я все равно ничего делать не стану. Спорим?

Макуха

Меня как человека небольшого роста и непомерно тщеславного всегда тянуло к женщинам высоким, незаурядным (причем достоинство второе явно уступало по значимости первому). Извечный дефицит денег и целеустремленности всячески ограничивал рамки поиска и вожаделенные параметры потенциальных жертв. Если уж быть честным до конца, мои амурные похождения более напоминали ловлю рыб в случайно заброшенные сети: что Бог послал, тому и рады. Ну, довольно о себе – полагаю, характеристика вполне исчерпывающая.

Как-то раз, на холостяцких посиделках зашел разговор – вы не поверите – о дамах. И все бы ничего, да наш записной сердцеед похвастался новой подружкой:».. длинная...». Подробности воспринимать я уже не смог – богатое воображение дорисовало. Настроение испортилось, собственные пассии показались ниже реального и от того менее привлекательны.

«И за что ему такое счастье? Он и оценить не в состоянии – молотит подряд, – точил червяк многолетнюю дружбу и на исходе бессонной ночи добился-таки единственно верного решения, – Мое!»

Остальное – дело техники. Ведь недаром одна барышня

«танком» прозвала.

Е, похоже, и не заметила, как переключалась на переднее сиденье моей «копейки». О приятеле старался не вспоминать.

Сказать, что меня в ней все устраивало, было бы преувеличением, но каждый сантиметр безупречной фигуры с лихвой компенсировал пробелы в латыни и пренебрежение интегралами. Добавим к этому весьма и весьма миловидное личико, завидное здоровье, неспособность принимать что-либо близко к сердцу и портрет готов.

Макуха (производное от фамилии) успешно трудилась манекенщицей в крупном российском городе, мечтая когда-либо покорить и столичную публику. Случай подвернулся во время гастролей Московского Дома Моделей. Ее пригласили «посотрудничать», забыв, однако, упомянуть о необходимости прописки. Так она очутилась в диспетчерской СМУ №№, где была обещана заветная отметка в паспорте гражданина СССР. Ни в одной стране мира невозможно, хоть и в наркотическом бреде, представить модель, сидящую с карандашом на металлическом стуле в задрипанном оазисе разномастной лимиты!

На службу она ходила исправно – к восьми утра! одеваюсь в серое, мешковатое и, нарочито, горбясь. Правда, после работы ее частенько забирала представительская Volvo с дипломатическими номерами. Этот конкурент меня вол-

новал гораздо больше, нежели начальник на черной Волге. Без ложной скромности скажу, что возрастные поклонники очень скоро проснулись с носом, как и мой дружок. «Съели?» – злорадствовал я, увозя барышню в очередную съемную жилплощадь.

Благодаря общению с Е скромные познания о «гламурной» жизни тружениц подиума значительно расширились. Начнем с того, что девушка сидела на строжайшей диете, а гимнастика составляла неотъемлемую часть распорядка дня. Помню, как впервые удивился, когда, вернувшись домой, застал ее в кресле вверх ногами. Никогда не видел Макуху курящей или с рюмкой в руке. Чтение ограничивалось пролистыванием журналов мод и желтой прессы. Во всем остальном она производила впечатление обычной современной женщины, разве что тихой и чересчур уравновешенной.

Нечто похожее на сильное волнение довелось наблюдать всего несколько раз.

Случай первый

Пригласили меня на знаковое культурное мероприятие – премьеру спектакля в Театр Сатиры. Не пойти не мог, потому как между мной и архи популярным юмористом тлеял давний костер взаимной неприязни, и поливать его бензином не имело никакого смысла. Для моральной поддержки взял с собой практически-супружескую пару из числа близ-

ких друзей. Искушенными в светской жизни назвать их можно было с некой натяжкой, однако хорошим вкусом и образованностью отличались оба. Пока мы с товарищем разминались на кухне, дамы суетливо перебирали наряды. Как ни странно, особенно трудным выбор казался для Е.

– Ну что ты переживаешь? – подгонял я спутницу, – На тебе и телогрейка будет смотреться стильно. Имей в виду: с моей стороны опоздание сочтут вызовом.

– *Тебе-то* хорошо, – металась от гардероба к зеркалу Макуха, – А мне идти не в чем!

Еще не раз я споткнусь об эту фразу и не только от нее. Наверное, то же слышат и покойники перед отбытием на гражданскую панихиду.

– Брось! Вон сколько шмоток. В чем проблема?

– Да у меня *все* туфли на высоченном каблуке!

– И слава богу.

– Я не о себе, о тебе думаю: мои 179 плюс шпилька...

– Ааа, – мне полегчало, – Не страдай: разница в росте украшает мужчину и льстит его самолюбию. Смелее! Выбери самые что ни на есть высоченные и бежим – таксист уже икру мечет.

В ожидании первого звонка бомонд курил на ступеньках Театра: сплетни, то да се...

Как тут подкатываем мы...

Проуженные эстрадники и молодые, но уже всемирно из-

вестные, филармонисты восприняли диспропорцию с пониманием и откровенным восторгом, чем окончательно вогнали Макуху в трясины смущения. Она предприняла, было, попытку чуточку согнуться, но, получив резкий тычок под ребро, выпрямилась и продефилировала, глядя строго перед собой. Раздвинув чиновничью кучку карликов с фигурами опереточных теноров, наша четверка прошествовала в партер.

В антракте, прикупив в буфете полдюжины шампанского, мы сбежали домой – смотреть и тем более слушать вызывающую пошлятину стало невыносимо.

Случай второй

Инцидент имел место аккурат на восьмое марта. Е загодя укатила домой, а я – грешник – позвал отметить событие знакомую продавщицу из Универмага на Ленинском (когда-то пытался купить в нем приличную кепку). Звонок в дверь застал вашего покорного слугу в предвкушении, а гостью – у плиты.

– Здрасти, – только и сумел выговорить, разглядев над головой белоснежную улыбку Макухи.

Пройдя в единственную комнату и оценив праздничное убранство (брют, коньяк, гвоздики), беглянка схватила тряпку и начала неуклюже волозить по полу. Столь непривычное и одновременно пугающее зрелище сдуло меня в туалет, где я заперся и принялся названивать друзьям с мольбой о помо-

щи. Откликнулся (в основном на посулы) лишь один, самый отчаянный. Он и поныне скрывается в Соединенных Штатах Америки – заодно от российского правосудия.

Роковую роль в наших с Е взаимоотношениях сыграл приезд ее матушки, с облепиховым вареньем и пирожками. И то, и другое обожаю по сей день, да и возможная теща показала женщину доброй, без закидонов. Однако аромат провинциального семейного уюта явно не вписывался в мои дерзкие планы на ближайшие годы. Короче – струсил.

Много лет спустя встретил Макуху, проезжая в районе площади Ногина. Она выходила из подземного перехода: стройная и тихая, как всегда.

А я, как всегда, струсил...

Мертвый город привычкам не помеха

*Скучнее исполнившихся желаний только пыльный теле-
визор*

Классная вещь глобус. И весьма полезная: присел, поел и вновь зашагал. Хочешь по часовой, хочешь – против. Если хорошо принять на посошок, то можно и зигзагом. Золотой за щеку, талисман на шею, группу крови крупно на лоб (потеряешь, не жалко). Сапоги-скороходы истрепались, память за ними не поспевает. Не беда: малозначимое сдует, ценное врежется – хоть целиком, хоть осколком.

У мегаполисов нет лица, только чрево. С городами поменьше ситуация немногим благополучнее: хорошо, ежели где-нибудь в центре приютился старый квартал, а так – разглядеть индивидуальность возможно, пожалуй, с высоты птичьего полета. То ли дело провинция. И пусть она одинаково рябенькая, но все одно какая-нибудь конопушка да запомнится. Опять же, найти в захолустье городского сумасшедшего во сто крат проще. А кто как не эти чудаки и есть истинное лицо места, его прошлое и настоящее. Приведу лишь несколько примеров: корова, безнадежно жующая ва-

ленок из помойки напротив гостиницы «Интурист»; безумная старуха (бывшая любовница атамана Семенова), швыряющая горшки с геранью на головы офицерских жен.

Топтание глянцевого путеводителя сравнимо с лобызанием фотографий селебритиз – глубоко не забеременеешь. Поэтому сворачивайте с пахнущих мылом магистралей и ныряйте за пазуху, к сердцу поближе.

Впотьмах с трудом различил невысокое крыльцо. Дверь раскачивалась на невидимом сквозняке. Вошел. Кашлянул. В ответ тишина. Нащупал выключатель. Дом, видимо, был когда-то сельской школой: рядом с засиженными портретами классиков скабрёзности нацарапаны, порой остроумные. Под ногами шуршат пакетики из-под чипсов и ореховая скорлупа, тянет кислым. Так и есть – забегаловка.

– Эй! Живой кто есть?

– Вторая направо. Сейчас выйду.

Физиономия мятой подушкой протиснулось откуда-то из темноты:

– Турист?

– Вроде того. Извините, что разбудил. Коньяк есть?

Пока бармен ходил за бутылкой, наведаясь в оставшиеся аудитории. В одной ночлежка, в другой огромная печь, в третьей – на актёрский зал похожей – вместо стульев расположились надгробия. Рационально. Все в шаговой доступности: поел, отдохнул, сожгли, похоронили. «Эхма, куда занес-

ло! Видать, перешагнул через сегодня. Вчера, да, мы тратили уйму времени на дорогу, отвлекались на мелочи, но именно они и украшают жизнь, делая непохожей на математическую формулу. Если *это* наше завтра, то каким будет послезавтра? На какую из классных комнат повесят замок? Или перепрофилируют? Тогда во что? В любом случае прошу бар упразднить последним. Пусть хмельная душа мается невыспавшейся и непогребенной, зато не так тоскливо».

– Давно путешествуешь, мил человек? – хозяин плеснул в шербатую чашку.

Я часто задаюсь этим вопрос и не знаю, как ответить. В минуты кажущегося покоя – сидя на глобусе – мои мысли находятся в беспрестанном движении: то я индийский магараджа, то ученый-затворник или же, просто, настенные часы. И всегда равноудален от окружающих и самого себя, на границе между любопытством и безразличием. Моя память настолько избирательна, что в ней отпечатываются лишь ощущения, оставляя за кадром имена, даты и прочие условности. Спасают привычки: рабское следование им гарантирует минимальную сохранность, экономит усилия и расширяет горизонты для новых впечатлений.

– Ваше здоровье! И повторите еще два раза.

Сел за столик. Теперь закурим: пепельница справа, зажигалка в левом нагрудном кармане.

Схематичность местечка к беседе не располагала. Рассчитался. Крутанул глобус. Adieu!

– Мы стали богаче на золотой. Не поверишь, чокнутый заходил. Пятый раз за последние тридцать лет. Заказывает одно и то же, опять меня не узнал, и я опять его обсчитал. Такой же рассеянный, как и прежде.

– Да, он совсем не изменился, – улыбнулась барменша.

Она сладко потянулась и в *пятый* раз за последние тридцать лет уснула, не ворочаясь.

Микро и макро в мокром обзоре о Любви земной

На фотографии и за окном мир читается конкретнее, рельефнее. Мелкие детали становятся доступнее и приобретают совсем иное значение, нежели затерявшись в бездне подобных на фоне общем, при обзоре круговом. По этой причине я не сторонник повального увлечения 3D изображений и прочих голограмм. Мое внимание рассеивается и теряется, словно голодный за дармовым столом.

Прячась за спинами кустов на крохотном островке среди бескрайних болот, скукожившись от морозящего осеннего дождика, приходишь к пониманию, насколько ты мал и ничтожен – так, едва заметное мокрое пятнышко, способное разве что огрызнуться матом да поспешным выстрелом в белый свет мелкой дробью. Унизительно для «царя природы», но, в тоже время, справедливо для «гомо сапиенс». А еще ужасно красиво, ежели отбросить страхи быть укусанным га-

дюкой либо утонуть, провалившись в трясину. Все закаты разные и сему подтверждение фотографии – костыли ветреной памяти. Жаль, они не могут передавать редкие и оттого всегда неожиданные звуки: шелест тростника под ондатрой, удар жирующий шуки, свист утиных крыльев, всхлип неведомой птицы... Осень, вообще, скупа на публичность и пусть не вводит в заблуждение багрянец осин, желтые пряди берез – они лишь оттеняют торжественность тишины, ее глубину и бесконечность.

Усевшись в мягкое кресло, ногами к огню, беру волшебный телефон и внимательно разглядываю снимки: то приближая, то отдаляя изображение. Теперь уж верно ничто не укроется от моего переспелого любопытства. Вот намек на бобровую хатку, а здесь тень летучий мыши на воде. Папоротник, оказывается, может стать сиреневым, трава мелированной, а собачьи глаза – еще грустнее. Как живописна выступившая на обмелевшем озере торфяная грязь! Она успела прорасти стрелками осоки, и они торчат обломками мачт с кое-где сохранившимися вантами паутины. Крик одинокой чайки расчертил хныкающее небо рукою шаловливого первоклашки. По весне их было много (оно и понятно – зарождение Любви), а нынче она осталась одна и мечется в поисках простылого вчера. Символично...

Да мало ли что еще удастся разглядеть, если не прятать в воротник глаза и иметь на то «высокое разрешение» не только в техническом понимании данного словосочета-

ния. Истинна непременно откроется, будь вы на этой Земле не турист, а «местовой», как принято говорить у охотников и натуралистов.

Какое все вышесказанное имеет отношение к Любви между полами? Отвечу: прямое. Хочу, всматриваюсь, хочу – отложил.

На белом

И не было ему меры ни в грехе, ни в добродетели, ни в горе, ни в радости.

И фантазия беспомощно разводила руками: извини, мол, загонял в поисках новых ощущений, истрепал, как любимую куклу, дай отдышаться либо, просто, уволь.

И нудил разум: бросай колобродить, за спиной хаос, впереди край, и сам ты, словно кислое вино – ни тепла, ни радости.

И выстудил осенний ветер головешки памяти, и начертал стартовую линию, и растворился в промерзших лужах, и позабыл отметить *финиш*.

И замерло все округ, и стихло.

И только сердце билось ровно, готовясь к очередному – может последнему – рывку.

Мужчина забыл вынуть изо рта оставшиеся гвозди, бросил, не глядя, на диван молоток и отступил на два шага – именно так!

Это фото не давало ему покоя с момента появления. Композиция, вроде, немудреная, но при любом изменении наклона тайный смысл происходящего уводил даже искушенного зрителя в новом направлении столь стремительно, что сосредоточиться не удавалось, и душа рвалась вслед, остав-

ля за кормой и фантазии, и разум, и день нынешний, и опережая, день грядущий. Рамка, в насмешку над нравоучительным – «держать себя в рамках», исполняла роль чисто вспомогательную, техническую, не в силах ограничить сакральный замысел художника. Супрематические квадраты Малевича смотрелись бы рядом столь же бесхитростно, сколь и ничтожно, ибо они холодны и асексуальны.

«Да. Именно так!» – все, что успел подумать мужчина, прежде чем унестись вдогонку за Нинкиной, практически десятидюймовой, голой ступней подле спичечного коробка.

Накануне

– Не смотри на меня, словно председатель колхоза в понедельник. Делов-то – буряк не полил. Все одно ни чернослива, ни грецких орехов у нас нет, а самогон гнать условия не позволяют. Ты бы лучше вспомнил, куда картошку сажал. Соседи уже выкопали, – черный, как дурная примета, кот Васисуалий давно примерился к недоеденной плитке шоколада, но взять не решался.

Сладкое любили все, но какао-бобы в очередной раз всходов не дали, по примеру хлебного дерева и косточек цитрусовых. Не помогли многочисленные обогреватели и крики чаек.

– Навоз не тот, – так прокомментировал агро-фиаско ученый кот, – Хмурый он, безрадостный. Нет в нем атмосферы карнавала. Нищета есть, а веселья – пшик. Вот ведь что странно: на их родине тоже с голой задницей круглый год ходят, однако зубы целы и улыбаются. Нет, у нас не примутся – идеологический раздрай.

– И не надо! – вспылил Петрович, – Плевать я хотел на этих туземцев! Никогда им не родить «Идиота», «Мурку» не отмочить! А «Утро в сосновом бору»? (вышло не совсем удачно: огородники живо представили Большую Плитку Шоколада и одноименные конфеты). Грусть, боль за все и сразу – только эти чувства способны выносить шедевры

культуры. И пусть голод, пусть редька – зато под рубищем бьется незасахаренное сердце истинного патриота. А по поводу нашего навоза ты не прав: из него первач чистейший, хоть и, да, со слезой.

– Ты от темы не уходи, – развивал наступление Василий, – Где клубни закопал?

– Дык, вершки почитай засохли. Теперича не найдешь, – Петрович картинно склонил голову на несвежий ватник.

На его лысине заблестели сентябрьские звезды. Не каждому даровано такое чудо и поэтому Петрович любил ночь. И еще в темноте лучше думалось, и не только о еде. Иногда ему приходили мысли о работе и даже о сексе. Особого значения он им не предавал – умел отличать зерна от плевел. Однажды, когда жуткий мрак окутал спящий поселок, ему явилось два в одном: дебелая скотница Нюша спрашивала, можно ли ей уйти сегодня пораньше. Ощущение хозяина положение было необычным и провокационным. Петрович старался подольше не отвечать. Как обычно, кейф сломал вездесущий котяра: «Я не поклонник форм с претензиями. Умение разглядеть большое в малом – вот предназначение, можно сказать удел, Поэта с большой буквы. Вычурность сродни вульгарности, она, словно бюстгальтер на ветру, бесцеремонна и порой настораживает».

– Ладно, не переживай. На следующий год больше вырастит, – Васька притворно вздохнул и сцапал вожаделенные квадратики, – Кстати, председательша намекнула, мол, вре-

мя платить за электричество.

При слове «платить» Петрович утопил голову в плечи глубоко и надежно. От этого маневра его тщедушная фигура только выиграла.

– Косая сажень, – определил дремлющий мух, по кичке Базедушка.

Дрозofil никогда не спал, он только делал вид, прикидываясь безучастным и хмельным, незаметным до благопристойности. Мало кто знал, что в душе потомка воинственных птеродактилей бушуют страсти похлеще тех, которые рождаются при дележе чужого либо своего, но последнего. От такой, двойной жизни мух сохся до старушечьей анорексии, и лишь выпученные глаза выдавали рвущиеся на волю страсти.

– Ккак намекнула? – донеслось со дна торса.

– Цинично: «Если к утру не рассчитаетесь, отключим и опозорим», – Василий взглянул на часы и пошептался с кукушкой, – Осталось часа три-четыре, от силы – пять.

– Эх... – в этот раз послышалось из еще-ниже.

– Я бы не стал доверять нашим ходикам, – пришел на помощь Хозяину двуличный мух. По правде говоря, он вообще не доверял всем насекомоядным, а безответственным матерям тем паче, – Сука она, сука и есть.

– ПАпрАшу... – оскорбилась старая гадалка, – Я-то своих на теплое место пристраиваю. А где ваши обретаются, вы хоть в курсе?

Вступать в «сухие» дискуссии было не в правилах родовитого крыльяносца, и посему, смежив веки, он повернулся спиной к брошенному вызову и принялся беззвучно умножать киловатт/часы сначала на рубли с копейками, а затем, увлекшись, на американские доллары и китайские юани.

Поднаторевшие в преодолении трудностей и невзгод сельской жизни дачники на время призадумались. Кое-какие свечи из нутряного жира озерных крыс в доме имелись, новостями за пределами шести соток они интересовались мало, а помыться можно и в бане. Но – **ПОЗОР!** Это мерзкое для благородного создания слово стучало набатом в виски и отсвечивало на воротах.

– Лучше смерть! – поперхнулся сладким известный на всю округу стукач, Василий, – Давайте кого-нибудь продадим или заложим.

Затерявшийся во внутренней эмиграции Петрович продолжал держать театральную паузу. Базедушка тоже молчал, боясь сбиться со счета, и только пестрая аферистка поддержала «разумное во всех отношениях» предложение:

– Вот Председательшу и сольем.

– Ура!!! Мы спасены! – обрадовались компаньоны и потянулись к столу.

Чукаево

Сентябрь 2014 г.

Неприкаянные

Еще один охотничий день подходил к концу. Вернее, самая интригующая фаза спряталась за верхушки худосочного мелятника, и мне не оставалось ничего интереснее, нежели попытаться найти дорогу обратно, в деревню. Место было новое, неисхоженное и вскорости я окончательно заплутал. Молодой березняк сменился густым хвойным урочищем, которое, как подсказывала интуиция, служило последней преградой на пути к накрытому бабушкой столу и нагретой лежанкой под лоскутным одеялом. Шестое чувство плохая замена армейскому компасу, но верный спутник оставался висеть в избе после вчерашней экспедиции к богатой дичью старице. Воспоминания об удачной охоте на стремительных бекасов слегка приободрили. Прибавил шаг: «Если не кружить, куда-нибудь да выйду».

А «выйти» хотелось. Последние лет десять вышагал в состоянии близком к паритетному – между жизнью и смертью, где роль плюс одной голосующей акции выполняла собачка. Быть скомпрометированным женщинами не представлялось возможным по двум причинам. Во-первых, исчерпались фантазии. Размышления о второй оптимизма не добавляли. Дети выросли и отделились. В итоге пуповина, связывающая с реальностью, оборвалась, незаметно, когда и при каких обстоятельствах уже не столь важно.

Минут через двадцать отчетливо потянуло дымком, увиделись желтоватые всполохи. «Костер. Недурно».

Приближаясь к чужому огоньку, испытываешь ту же неловкость, что и входя без спросу в незнакомый дом. Я громко кашлянул и без всякой надобности позвал легавую, чем вызвал ее немалое удивление (она и сама боялась отойти далее, чем на пару шагов от левой ботфорты).

– Подходи, неча церемониться, – позвал хозяин.

Поблагодарил, присел, огляделся. Напротив, привалившись к пеньку, расположился мужичек неопределенного возраста, в поношенной шинельке и фуражке то ли офицерской, то ли железнодорожной – впотьмах не разберешь. В ногах лежал вещмешок, а более ничего не наблюдалось.

– Городской, – скорее не спросил, а констатировал мой нежданный спаситель.

– От того и заблудился, – подтвердил я, – далеко до деревни?

– Это, смотря до какой. Деревни-то разные бывают...

– Васютино.

– Эк, хватил. Васютино, мил человек, осталось у тебя за спиной. Верст пятнадцать, с гаком.

«Мать честная! Верно в противоположную сторону ломанулся. Дело принимает оборот кислый – до рассвета из леса не выбраться».

– И думать нечего, – угадал ход моих мыслей незнакомец, – Тут гнилое болото недалече. Сгинешь, не приведи

Господь.

– А поблизости жилья нет?

– Хутор. Зброшенный. Не советую. Слава о нем дурная...

Ничего не поделаешь, придется ночевать под елями. Хорошо, не в одиночестве.

Охотник человек запасливый, к невгодам привычный. Достал я заветную фляжку, конфетку-сосульку, собачке – сухарь.

– Расскажите о хуторе. Что за история такая?

Небольшая нодья не столько согревала, сколько успокаивала. Однако ночка выдалась теплая, и перспектива замерзнуть нам не грозила.

– Сказывали, давно это было. Хутор – этот – выстроил солдат один. «Отставной козы барабанщик» себя называл. Он с юности ушел воевать, да так и бросало его по свету, до той поры, пока все войны не закончились. Людям радость, а ему – горе. Мыкается по городам и весям, никуда прийтнуться не может. Ведь кроме как стрелять-воевать и делать ничего не умеет. А кушать-то надо. И бабу – тоже. Прежде ему любая улыбалась, а нынче носы воротят – голодранец. Были б родители живы, дело другое. Да померли они, не дождались. Избу родственнички захапали. Остался солдатик один, как перст в целом мире: ни жены, ни детей, нет ни кола ни двора. Всего имущества форма да ружье со службы при-

хваченное. Бродил, бродил, словно леший, да и осел в наших краях. Что ему здесь приглянулось, про то неизвестно. Может, устал просто. Вырыл землянку, наподобие окопа, так и зажил. Хозяйства особого не обустроил, потому не было у него крестьянской жадники, одна лишь сноровка. Гостей не привечал – интересы, мол, разные. Солдатик-то многое на своем веку повидал, а деревенские кроме уездного фельдшера образованных людей и не встречали. Из живности обрелся вокруг землянки волк, служивый его щенком приручил. Хитрющая bestия. Все о людях знал, оттого в капканы не попадался и флажки обходил. Кличку точно не припомню. Серый, наверное.

Так вдвоем и коротали. Хотя нет, постой, была у солдатака одна забава – играл в войну. Один за себя и неприятеля. И тогда доносились до деревни выстрелы. Грибники и прочий люд, кому доводилось очутиться поблизости, различали крики, команды, даже стоны. Палили, правда, редко. Заряды вояка берег, все больше врукопашную. Как ему – одному – это удавалось, ума не приложу. После боя затишье длилось, бывало, с месяц, а то и три-четыре. Раны, видать, зализывал. А Серый, знать, помогал...

Мужичек неторопливо свернул сигарку.

История разбередила во мне жгучее любопытство и желание засветло навестить мистический хутор.

– И не думай, – опять «проинтуичил» собеседник, – Уж столько лет минуло, а молва идет, что Хозяин али дух его

по сей день в землянке обитает, Серый – стережет. Не ровен час под выстрел угодишь, а то – волк загрызет. Нет, не советую...

Коньяк ли подействовал, шум ли ветра в кронах убаюкал, но когда я очнулся мужика и след простыл. Костер, умелой рукой настроенный, догорал ровно, с пониманием. Лопухая спутница, свернувшись клубком, дремала возле рюкзака. Насторожился: «Всяко бывает...» Осмотрелся – ничего не пропало. На примятой траве лежал оброненный? кiset...

Несломленные

Список неприятностей на работе вытянулся в одну нескончаемую очередь, хвост которой еле подрагивал, зато голова кружилась в предвкушении новых рубежей. Дурной пример заразителен, и семейные неурядицы пыжились не отстать, срывали голос и аплодисменты соседей, но все одно едва попевали.

В таком «радужном» настроении я прибыл в деревню, перевести дух и поохотится. Остановился у знакомой бабули, коя проживала одна, если не принимать во внимание хрошую курицу, бывшую некогда несущкой. И то правда, в сумрачном пятистенке буквально все подходили к определению «бывший»: хозяйка, чудом сохранившая горделивую осанку первой красавицы, наряды, упрятанные в дореволюционный сундук, ретушированные фотографии бравых мужчин с подкрученными усами и даже ваш покорный слуга – некогда большой начальник, а ныне мелкий предприниматель. Единственной, кто выпадал из разряда отставников, была моя юная спутница – легавая по кличке Сюзю. Она то и привносила праздничную суету в затхлый мирок своеобразной богадельни.

На третий день неудачной охоты – утки летали неохотно и далеко не на выстрел – барометр настроения прочно закрепился на отметке «пасмурно», тащиться в ненастье на бо-

лото расхотелось и вовсе. Утреннюю зорьку я категорически проигнорировал, на вечернюю вытащила неугомонная собачка. Баба Маша сочувственно проводила взглядом мою согбенную фигуру и пустила курицу в дом: «Нечего под дождем шляться». Кому адресовалось сие напутствие оставалось лишь догадываться.

Мокрые до кончиков ветвей бровки встретили нас хмуро и недружелюбно. Простуженные поганки, натянув поглубже вуаль, смотрелись отрешенно, вызывали жалость и мы старались обойти их стороной, не задев, не потревожив.

Вот и наш мысок – раскачивающийся, словно подгулявший морячок, с огрызком березы у самой воды. Первые полчаса тишину нарушали всплески жирующего карася да уха-нье невидимой выпя. Эта странная, порой мистическая птица наводит ужас на многих особо впечатлительных охотников, я – не исключение. В ту пору селезни линяли, готовясь к перелету на юга, и потому все больше шхерились в тростнике, изредка покидая укрытие, дабы покрасоваться и раздражить азарт у городских бездельников. Уцелевшие после открытия сезона утки металась под облаками и шансов на прицельный выстрел отмеряли столько же, сколько выпадает попрошайке на караванной тропе в затерянных песках Каракумы.

Как вдруг на горизонте показались три точки. Они росли в размере и через пару секунд обрели вожаделенные очертания кряковых. Не знаю, у кого сильнее забилося сердце –

у меня или у Сьюзи, но почва под ногами заходила ходунном, а сигарета так и застыла в плотно сжатых зубах. Битая «в штык» первая утка рухнула чуть не *на* голову, аккуратно возле рюкзака, вторая – «в угон» – на бровку, шагах в двадцати. «Ай да папа! Каков молодец!» – собачка бросилась подбирать дальнюю. В плотном кустарнике легавая замешкалась, и я поспешил ей на помощь. Выяснилось, что нужды в том не было – проказница уже нашла трофей и просто не желала с ним расставаться. Пожурил, отобрал и бегом к первой. Сумерки сгустились, лет только начался, не теряя время, не стал упаковывать трофей (положил к ногам) и командовал подать ближнюю, что моя спутница с готовностью выполнила. Нагнулся за второй – упс! – ее и след простыл. Что вы на это скажите? Дробью битая, собачкой мятая, рукой моей согретая... сбежала, хоть ты плачь! Сьюзи густой гребенкой прочесала все окрест – увы, хитрованка записки не оставила...

Обратной дорожкой мы тихо бранились, сиюсь переложить вину друг на друга.

В деревне рано ложатся спать, и только наша изба светила оконцами – бабуля ждала. Переобувшись на крыльце в московские тапочки, вошел и обомлел: Мария Петровна, тщательно причесанная, сидела за накрытым столом в длинном ситцевом платье со стоячим воротничком, туфлях на каблуке и янтарные бусы в два ряда обвивали строгую шею. Пахло духами.

– По какому случаю?

– Сегодня день рождения одного из моих поклонников, земля ему пухом, – ответила хозяйюшка, стрельнув глазами в сторону фотографий, – Помянем.

Мы превосходно провели вечер, рассуждая о былом, строя планы на будущее. Рассказ о беглянке Марию Петровну позабавил; досада прошла; трофейный патефон оказался, на удивление, исправен, и я, разойдясь, пригласил мадам на танец. Кружилась она по-девичьи легко, не сбиваясь и не смущаясь, в отличие от меня – в тапочках.

Разошлись далеко за полночь. К тому времени Сьюзи согрела место на лежанке, и я мгновенно уснул.

P.S. Чуть не забыл: курица по случаю снесла яйцо.

Ночь

Всю ночь лил дождь. Перетопленная печь, словно мясистая женщина, не давала уснуть: сбросишь одеяло, неудобно, укроешься – душно. В клетке на веранде копошились перепелки – им тоже не спалось. По ним, по старым травмам, по поведению соседского грудничка – по всему, чувствительному к перемене погоды, можно судить, каким предстанет день завтрашний. А день, как духи: или *они* вам не подходят, либо *вы* не подходите им.

Чашка кислого морса осталась на кухне. Одеваться, идти по дождю было лень, однако пить хотелось с каждой минутой все больше. Глаза и память рыскали по спальне, но кроме огрызка яблока ничего не попадалось. На участке росли пять видов фруктовых деревьев, никто толком названий не знал – не интересовался. Сад был старым, ухоженным его назвать мог только слепой или ангажированный. В любой, самой безысходной ситуации всегда найдется маленькая да лазейка. Вот и в этот раз судьба улыбнулась подушечкой Диррола, завалившейся в кармане телогрейки, что висела в дальнем углу, забытая и ненужная. Удивительно, как порой старые вещи выручают нас – неблагодарных. словно родители-пенсионеры подбрасывают мелочь на мороженное или угощают мятой ириской.

В полудреме вышел на крыльцо, как есть – в пижаме и та-

почках, с недосмотренным сном о недолюбленных женщинах, о ненаписанных книгах, о нерожденных внуках. Дымок от сигареты висел в промокшем воздухе и не рвался на волю. И то правда – куда, уж, дальше? Город и суматошный день остались позади; вокруг ночь и осень, жаркая печь и дружелюбный пес сопят рядом. Чего *еще* желать? Ему, может, и нечего, а мне нужно торопиться долюбить, дописать, дождаться внуков.

Докурил. Пошел досматривать...

Ну что сказать, мой милый друг

Ну что сказать, мой милый друг,
Прокисших мыслей вороша,
А вдруг порочный разорвется круг
Кометой вырвется душа...

«кометой вырвется душа, – Василий задумчиво грыз карандаш, подбирая рифму, – смысл потом. Душа, хороша, ша...»

Ветер давно стих и прогретая за день крыша приятно ласкала все, до чего могла дотянуться. Обитатели скворечника (пара линялых белок) уgomонились и готовились отойти ко сну. Вернее, бельчиха мирно посапывала на старом носовом платке, а сам белк дымил трубкой на крылечке и, молча, внимал Васькиному творчеству.

«...душа... карандаша, туша,... – кот запрокинул голову, словно искал подсказку на ночном небосклоне, – не спеша...»

– А позвольте поинтересоваться, о чем будет стих? – не выдержал белк, – страсть, как люблю обо мне.

– Не знаю, не знаю, – бросил Василий через плечо, – может о *несчастной* любви, может – наоборот. Как выйдет... Стих не трактор – по дороге не ездит. «...круг, вокруг, досуг...». Рифма – птица вольная. Ее полет непредсказуем, как женские обмороки... «...круг, физрук, политрук, недо-

суг...». А вы, отчего спать не ложитесь?

– Вы женаты?

– Бог миловал.

– Зачем тогда спрашиваете?

– Ну, мало ли... «...многорук, близорук, бурундук...»

Нет. Все не то, – Василий снял пенсне и потер переносицу, – Странная вещь творчество: стоит почкам набухнуть, еще только-только травка зазеленеет, а душа уже томиться и руки чешутся. Невысказанные чувства распирают и рвутся наружу. Вот только предмета вдохновения не хватает, попрятались куда-то. Не поверите: когда не надо, под каждым кустом маячат, мячат...

– а потом – заучат, – вставил белк.

– Хм.

Хвосты трубой под звездами маячат

До всполохов зари нам о любви мячат

А как поддашься – раскулачат

Кто прежде пел, теперь ишачат.

– Во-во, я ей давеча говорю, на хрена тебе столько лощины? Дома повернуться негде. А она: «Запас скворечник не утянет». Ладно бы грызла в меру, а то ... – белк махнул рукой, – Скоро и в проем не влезет.

– Не влезет – полбеда, – Василий всегда отличался рассудительностью и убийственным практицизмом, – Вот когда – не вылезет, то уж... – он надул щеки и сделал многозначительное «пфф», – Была у меня одна знакомая – профессор-

ская кошечка. Барышня ничего себе: и умная и образованная. Начитанная – страсть. Такие слова знала, покраснеешь. Мышей не то что не ловила – боялась. «Я, – говорит, – из дома ни ногой. На дворе доберманы и инфлюенция». Через нее в бомжи и подался.

– Н-да, история... – белк пыхнул трубкой.

Дымок расплылся лохматым облаком и повис на ветке березы. Серпатый месяц сочувственно покачал головой – ему тоже было что вспомнить. Совсем скоро его вытеснит полная Луна, и придется шляться по небосклону, от одной одинокой звезды к другой, неприкаянной.

– Коту без дома нехорошо. Не полагается, – белк выбил трубку о черепицу, – Холодает, однако. Пойду сдаваться – авось не проснется... Бывайте.

На краю участков какой-то полуночник включил свет. Не разобравшись, спросонья, заорал петух. Наседки зашикали горлопана и подоткнули откатившихся наследников поглубже в теплые ямки. Тишина дремотой окутала деревню. Изморозь капельками холодного пота застлала крышу и подкралась к поэтическому основанию.

Василий посидел, посидел, да и начал ерзать. Он бросил завистливый взгляд на скворечник: из отверстия слышался невнятный шепоток, и вкусно тянуло домашним.

– Мещане замшелые, – презрительно фыркнул пиит и решительно выхватил из-за уха чернильный огрызок, –

Вот вам!

Ну что сказать, мой милый друг,
Прокисших мыслей вороша:
А вдруг порочный разорвется круг,
Кометой вырвется душа...
И шваркнет по паркету сгоряча,
И чувств дремавших всполоша,
На удивленье всем вокруг
Хвостом очертит тот же круг...
И в дом вернется не спеша.

Затем он достал из-за второго уха початый чуингам, размял до мякиша и прилепил листок над входом.

«Нет вдохновения – и не надо. А простатит нам ни к чему. Хорошо, Петрович дачку не пропил. Печка, небось, еще теплая...»

Оргазм

Глухой ночью скрипит перо с особым вдохновением. Буквы выходят пузатые, значимые. Даже неприхотливая запятая бросается в глаза. Что, уж, говорить о знаке восклицательном. Он, словно полководец, возвышается над безукоризненной шеренгой вышколенных букв-солдатиков и не впереди – чай, не политрук какой – а непременно позади, будто отсекая пути к отступлению. Вопросительный можно ставить, можно нет, ежели текст в состоянии растеребить и принудить к размышлениям. Он вообще загадочно непросто – ловит на голый крючок. С ним, шельмецом, надобно поосторожнее – не ровен час дождетесь ответа...

– Не спишь? – Василий не заметил, как мух подкрался и заглянул через плечо, – Дай почитать что ли, вместо снотворного.

– Ехидничаешь, обидеть норовишь, от дела отвлекаешь, – кот недовольно поморщился.

...уповаю на Ваше благоразумие и понимание. С уважением, жилец Василий.

Он размашисто расписался, посыпал бумагу песочком, стряхнул, придирчиво оглядел, и устало откинулся на спинку кресла.

– Видишь ли, мой друг, челобитную сочинить не претен-

зию накарябать. Претензия что? – тьфу, пустяк. На стихи похожа: сплошь задетое самолюбие, выпуклая гордыня, обнажена, словно кальсоны на морозе. Прощение – дело иное, тонкое. Тут важно, как подать. Ибо результат и есть оценка мук творческих. Претензия же бескорыстна, выплеск эмоций. Улавливаешь?

Дрозofil надулся.

– Ты, Базедушка, зря обижаешься. Я не против поэзии – пусть ее, тешится. Не злись. Творец одарил тебя крыльями, вот и порхаешь с одного, так сказать, цветка на другой. А мы, коты, за вами хвостом метем. Скажу честно, порой я тебе даже завидую. Так хочется взять и улететь куда-нибудь к... Короче, лишь бы подальше. Посмотри в кого я превратился? На что талант разменял? Слава Богу, родители не дожили.

– Ты, вроде как, подкидывш... И цепь у тебя бутафорская. И звание...

Последнее предположение мух высказал на безопасном расстоянии – из глубин напольной вазы. От того фраза звучала пророчески-трибунально.

– Беда от вас, мелких тварей. Наукой доказано. Ну, вылезай, не трону, – Василий потирал руки, – Слушай. Намедни я продавил заявку на дезинфекцию подвала. Это надо было видеть! Барельеф на могиле Плевако улыбался, крест рукоплескал! Так ловко все провернул, аж, дух захватывает. Свалил вино за подтопление инофирмы, коя этажом ниже квартируется, на тараканов и окончательно добил диспетчершу

показаниями сантехника. Прусаки его так напугали, что он признался в наличие двойного гражданства (оба не наши), неуплате налогов и сочувствии политэмигрантам. И это еще не все, – Василий торжественно потряс бумагой, – Уверен, моя челобитная если и не отобьет часть хозяйских расходов на замену испорченного смесителя, то, по крайней мере, заставит черствое жековское сердце екнуть от беспричинного страха. А там, глядишь...

– Я сумел разглядеть только слово «оргазм». Это к чему? – мух переместился поближе.

– Да ни к чему. Дурашка! Его миссия привлечь внимание к бумаге – это раз. Во-вторых, я там такого намутил, сам черт ногу сломит. Теперь представь себя на месте руководителя бюджетной конторы. Рыльце в пуху, печень в отказе, любовница на сносях. Тревожно? Факт. Лишние неприятности нужны? Эй, Базедушка, что с тобой?

Поздно. Дрозofil уже погрузился в образ, и выходить не собирался. С налитыми кровью глазами он склонился над рюмкой и набирал кому-то по мобильнику. Васька выгнулся, шерсть на загривке дыбом: «Чур меня, чур!» Вместо старого собутыльника, поэта-лирика-без ограничений над столом нависал чудовищных размеров клоп.

Кот бросился наутек. В коридоре, споткнувшись, растянулся и замер. Кровосос медленно приближался.

– уповаю на Ваше благоразумие и понимание, – забормотал Василий, – уповаю...

Хлесткие пощечины подобренными с пола крыльями до самой до зари выбивали вдохновение из недр ушлого прозаика.

Интересуетесь, причем здесь оргазм?

Да ни при чем. Слово приметное.

Осечка

– Безупречная красота скучна до невозможности, – приговаривал Петрович, выстригая волосы из ушей, – должна, должна быть пусть крохотная, но щербинка.

– Я бы даже сказал – обуза, – согласился Васисуалий, ровняя маникюрными ножницами кончики усов:

Пусть меня критикуют, пусть.

Приму плевки, как лобызанья.

Гнет спину перед Солнцем грусть,

Пыля тропею на закланье.

– Не иначе, быть дождю. С утра коленка ноет, – ляпнул некстати Петрович, пряча глаза в пол.

– Вряд ли. Глянь, на небе ни облачка. Ты бы фикус полил, – кот извлек из несесера тубик с бриолином, – Мается.

Петрович взглянул на растение:

– Он привычный. С помойки принес. Там не забалуешь – не в больнице. Оранжевые условия, мон шер, для слабых либо потомственных дегенератов, что в сущности одно и то же. Вспомни свое детство: чай не с блюдца ел.

– Попрекаешь?

– Отнюдь. Но и ты, чем советы раздавать, взял бы лучше швабру. Она соскучилась по мужскому вниманию.

Швабра кокетливо тряхнула подолом и подбоченилась.

– Что за квартира такая? – Василий посмотрелся в зерка-

ло. – Кругом озабоченные, на подвиги мотивированные. Ты дрозофила давно не видел?

И действительно, муха не наблюдалось ни на стене, ни на крышке вишневого варенья.

Кот нырнул в шифоньер. После непродолжительной возни он плюхнулся в кресло и многозначительно закурил:

– Плохо дело.

– Скрипку дать? Или сразу в полицию звонить?

– Послушайте, Ватсон! Ваши дурные манеры хороши на плацу или поэтическом журфиксе. В обители кошерной овсянки и утонченного порока они, пардон, неуместны. Извольте принести мне десятичасовую рюмку Шерри и секунду помолчать.

Петрович на цырлах смотался к бару, отсчитал семьдесят семь капель, водрузил поднос на сервировочный столик и подкатил к креслу.

– Сильвупле, мусье Командор.

– Что я могу сказать, – Василий проигнорировал ехидный тон Хозяина, – из квартиры пропали две вещи: зонтик-трость и моя концертная бабочка. Какие предположения?

– Будет дождь. Я же говорил.

– И все?

Петрович, заложив руки за спину, стоял у окна. Напротив него, на краю помойки точно в такой же позе стояла ворона. Молчание длилось добрых минут пять.

Птица развела руками:

– Сдаюсь.

Петрович повернулся к Василию:

– Вечером в Большом «Аиду» дают.

– Хм, для поэта-склочника, вы довольно сообразительны.

Однако: во-первых, Зинка авто не мыла, стало быть, дождь не собирается, во-вторых, бабочка легкомысленной расцветки и для классического репертуара не годится. Смените пельницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.